

Татьяна Тернопол

«ПРЕКРАСНОЕ ДАЛЁКО»: ГЕНДЕР В МИРЕ БУДУЩЕГО В ПОВЕСТЯХ КИРА БУЛЫЧЕВА ОБ АЛИСЕ СЕЛЕЗНЕВОЙ

Статья посвящена эволюции гендерных представлений в цикле повестей Кира Булычева о приключениях Алисы Селезневой. Автор статьи анализирует первые произведения об Алисе, написанные во второй половине 1960-х гг., и те, что были созданы в конце советской эпохи. В статье показано, что гендерные представления в алисиане опираются на реалии советского общества. Гендерные практики, отраженные в ранних произведениях, описывают дискриминацию женщин в профессиональной сфере, расширенное материнство, контакт «работающая мать». Гендерное равенство, которое должно будет наступить в будущем, воплощается в образах «вовлеченного отца» и карьерно-ориентированной матери Алисы, освобожденных от домашнего труда благодаря научно-техническому прогрессу и институтам «социальной заботы». Во второй половине 1980-х гг. под влиянием консервативного гендерного поворота в СССР гендерный порядок мира, описанного Булычевым в книгах об Алисе, изменяется. Традиционная женственность воплощается в образе инопланетянки Ирии Гай. Однокарьерная семья, которую создают Ирия и землянин Тадеуш, преподносится как идеальная модель семейной жизни. Новое восприятие гендерного контракта находит воплощение в образах Алисы и Пашки Гераскина: с началом пубертата Алиса демонстрирует традиционные женские качества, а Пашка — мужские. Распределение обязанностей на земле и в космосе начинает определяться патриархатным гендерным контрактом.

Ключевые слова: советская детская литература, Кир Булычев, Алиса Селезнева, прекрасное далёко, советское общество, гендерные исследования

Татьяна Вячеславовна Тернопол
Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского
Ярославль
ternopoldp@mail.ru

Творчество Кира Булычева принадлежит к золотому фонду советской детской фантастики. Многочисленные повести и рассказы, создаваемые автором в течение почти 40 лет, пользовались в последней четверти XX в. беспрецедентной популярностью, сравнимой с популярностью книг о Гарри Поттере. В Интернете до сих пор существуют сайты фанатов книг об Алисе Селезневой и фильма «Гостья из будущего», вышедшего на телевизионные экраны в 1985 г.¹ В среде поклонников цикла возникли термины «алисоведение» и «алисиана»². Немногочисленные статьи, посвященные исследованию произведений Кира Булычева об Алисе, написанные профессиональными литературоведами и культурологами, появились сравнительно недавно³, гендерный анализ книг о приключениях девочки с Земли проводится впервые.

Образ Алисы Селезневой был создан во второй половине 1960-х гг.: сборник рассказов «Девочка, с которой ничего не случится» (1965) и последовавшая за ним повесть «Остров ржавого лейтенанта» (1968). Появление в детской литературе футуристической темы коррелировало с главной идеей советского мифа — строительством «светлого будущего», выбор космических приключений был не случаен: советская фантастика, вдохновленная успехами космической программы СССР уже во второй половине 1950-х гг. обратилась к теме освоения космоса⁴. Осуществлённый в СССР научный прорыв, широко освещаемый в СМИ как доказательство приоритета социалистического пути развития над капиталистическим, должен был убедить советских граждан в том, что коммунизм действительно близок⁵, но какой будет жизнь спустя сто лет (первый сборник рассказов об Алисе имеет подзаголовок «Рассказы о жизни маленькой девочки в XXI веке, записанные ее отцом») вряд ли смогли бы увидеть воочию даже самые маленькие первые читатели книги. Создавая образ утопии будущего мира, писатели были ограничены своими представлениями, полетом фантазии, цензурой и рамками литературного канона. Но очевидно, что реалии «прекрасного далёка» имели тесную связь с современностью, и авторы-фантасты, в той или иной степени отдавая себе в этом отчет, переносили черты, характерные для советского общества 1960-х гг., в будущее. Это касается и представлений о гендерном порядке. Рассмотрим, как воплощает эту тему К. Булычев в «алисиане».

На первый взгляд, светлое будущее в книге выглядит с точки зрения гендерного равенства привлекательно. В книге «Девочка, с которой ничего не случится» (1965) нарратор (отец главной героини по имени Игорь Селезнёв) сообщает о своей семье следующее:

«я работаю в зоопарке, а наша мама строит дома, и притом часто на других планетах» [Булычев 1991, 4], что коррелирует с биографией самого автора⁶. Из этого краткого представления очевидно, что семья Селезневых — двукарьерная, в которой оба родителя заняты профессиональной деятельностью.

По мере развития сюжета читателю становится ясно, что профессор Селезнев принимает большое участие в воспитании дочери, поскольку его супруга постоянно отсутствует дома («Когда наша мама провидеофонила вечером из Нукуса, где она строит стадион, она решила, что не туда попала») [Булычев 1991, 8]. Контракт «работающая мать», который на момент выхода книги в свет доминировал в советском обществе [Здравомыслова, Темкина 2015, 341], и требовал от женщины одновременно быть занятой в общественно-полезном труде, воспитывать детей и вести домашнее хозяйство, в мире будущего уступает место контракту «карьерно-ориентированная женщина», которая может переложить выполнение обязанностей матери и хозяйки дома на других. Этим «другим», на первый взгляд, является нарратор: в рассказах, составляющих сборник «Девочка, с которой ничего не случится», он укладывает дочку спать («Я набираю номер»), читает ей книжки («Застенчивый Шуша»), берет ее с собой на работу и в командировки («Тутексы») ⁷. Профессор Селезнев фактически демонстрирует модель поведения «вовлеченного отца» ⁸, характеризующуюся тем, что отец «берет на себя часть ответственности за заботу о детях, „качественно“ проводит с ними время (гуляет, играет) и активно взаимодействует с детьми на постоянной основе независимо от пола ребенка» [Авдеева 2012, 95].

Булычев показывает, что реализация данной стратегии становится возможна благодаря активному внедрению в быт роботом-домработников. О существовании их мы узнаем из рассказа «Об одном привидении»: «Мы сидели с Алисой на террасе и ждали, когда робот Щелковской фабрики приготовит манную кашу» [Булычев 1991, 20]. В повести «Остров ржавого лейтенанта» (1968) робот получает имя (Поля), обязанности по дому (присматривать за Алисой, пока родителей нет дома, готовить еду) и характер («...а характер у него был занудный») [Булычев 1991а, 52]. Показательно, что робот репрезентируется как некое амбивалентное существо: грамматически он мужского рода («Робот подогрел манную кашу» [Булычев 1991а, 53]), но имя у него женское. Понятие гендер как будто не применимо к роботу, но показательно, что автор выбирает для персонажа, выполняющего женскую, с точки зрения советского

общества, работу по дому, женское имя, транслируя таким образом гендерные стереотипы. При внимательном чтении выясняется, что прекрасное далёко далеко не так прекрасно как кажется, и напоминает уклад поздней советской эпохи. Робот-домработник ненадежен и требует постоянной починки («Робот уже два раза перегорал, и мы вместе с Алисой ругали фабрику, но самим принимать за дело не хотелось, а бабушка наша уехала в театр» [Бульчев 1991, 20]). Статья «карьерно-ориентированной» матери будущего позволило не столько наличие механических помощников, сколько хорошо знакомая советскому поколению практика «расширенного материнства» [Роткирх 2011, 143–149], когда в воспитании внуков активное участие принимает бабушка.

«Вовлеченный отец» коммунистического будущего профессор Селезнев каждое лето отправляет маленькую дочку (Алисе в этом цикле от трех до шести лет) на дачу к бабушке во Внуково и приезжает туда после работы, вместо отдыха «попадая в кипение тамошней жизни» [Бульчев 1991, 19]. Впрочем, и дачная жизнь кажется читателю знакомой: за городом проводят лето «соседский мальчик Коля... Колина бабушка... бабушка Алисы, мальчик Юра и его мама Карма, трое близнецов с соседней улицы...») [Бульчев 1991, 19]. Таким образом, представления о том, что воспитание детей — это обязанность женщин, являющаяся частью женского гендерного контракта, в будущем не изжиты, и мама Алисы — успешный профессионал в счастливом эгалитарном браке, в котором муж берет на себя большую часть обязанностей по воспитанию ребенка — это скорее исключение, чем правило. Большинство женщин вынуждены следовать контракту «работающая мать», а иногда, видимо, и «работающая бабушка», как это делает бабушка трудного ребенка Коли, который «славился на все Внуково тем, что отбирал у детей игрушки... ел варенье и ныл круглые сутки» [Бульчев 1991, 19], в то время как она писала роман о Менделе.

Некоторую помощь родителям (не только матерям, но и отцам) в исполнении их обязанностей оказывают в будущем Кира Бульчева так называемые институты «социальной заботы», которые появились в Советском Союзе как часть государственной политики по поддержке баланса предписанных женских ролей [Здравомыслова, Темкина 2015, 350]. К таковым можно отнести детский сад (о том, что Алиса его посещает, мы узнаем из рассказа «Свой человек в прошлом») и интернат на Марсе, где она проводит несколько дней, приехав с отцом на конференцию. Необходимость этого нарратора объясняется просто: «мне некогда было

заниматься с Алисой» [Булычев 1991, 11]. Таким образом, профессор признается, что сочетать роли профессионала и «вовлеченного отца» чрезвычайно сложно, тем более что, как это и было в СССР, социальная инфраструктура будущего не всегда отвечает потребностям семьи: детский сад, например, находится далеко от дома: «Я зашел за Алисой в детский сад и обнаружил, что, если поведу ее домой, опоздаю на испытания. Поэтому я взял с неё клятву, что она будет вести себя достойно, и мы пошли в Дом ученых» [Булычев 1991, 27]. Большая часть происшествий, случающихся с маленькой Алисой, происходит именно потому, что ее отцу не удается сочетать профессиональную деятельность и практики «вовлеченного отцовства». Пытаясь совместить работу и присмотр за ребенком, профессор Селезнев все время сталкивается с тем, что он не может уследить за непоседливой дочкой: она то теряется на Марсе, то улетает в прошлое на машине времени. Несмотря на дополнительные трудности, связанные с исполнением отцовских обязанностей, Селезнев делает весьма успешную карьеру: в повести «Остров ржавого лейтенанта» он уже директор Московского зоопарка. Профессиональная самореализация, как мы узнаем из первой книги об Алисе, чрезвычайно важна для людей XXI в., но в какой степени она определяется гендером?

Ранние произведения алисианы населены множеством эпизодических персонажей, среди которых преобладают ученые (профессор Яката, профессор Курама, безымянный представитель Института времени — «очень большой и очень лысый человек» [Булычев 1991, 27], восемь турецких палеонтологов, спящих в столовой Селезневых, профессор Шеин) и космонавты (Полосков и Бауэр). Ничего удивительного в выборе именно этих профессий для изображения мира будущего нет, но в контексте официально декларируемого в Советском Союзе гендерного равенства во всех сферах жизни, странно, что, что все эти герои — мужчины. В «Острове ржавого лейтенанта» появляется некая Берта Максимовна, вице-президент общества «Дельфины — наши друзья», чемпион Москвы по подводному плаванию и научный противник профессора Селезнева. Однако она позиционируется как персонаж комический, что проявляется и в ее внешности (парики невообразимых цветов), и в поведении («Берта была немного сумасшедшая») [Булычев 1991а, 58], даже Алиса не принимает ее всерьез. Другие героини книг заняты традиционными для СССР женскими профессиями: безымянная учительница, которая будет учить Алису («Я перешлю эти записки Алисиной учительнице» [Булычев 1991, 3]); воспитательница в ин-

тернате на Марсе Татьяна Петровна, две корреспондентки журнала «Женщины Антарктиды», дикторша Нина. Героини заняты, как это и было принято в Советском Союзе, в непроизводственных отраслях, связанных с образованием и культурой [Здравомыслова, Темкина 2015, 342]. При этом профессиональная компетентность женских персонажей постоянно ставится под сомнение: один из друзей Алисы хочет проверить «...достаточно ли опытная учительница ей достанется» [Булычев 1991, 3], информации от Нины не доверяют («В бассейне, несмотря на предупреждение Нины, что купаться холодно, было довольно много народу» [Булычев 1991а, 55–56]), а Татьяна Петровна, уверявшая профессора Селезнева, что он может не беспокоиться за дочь, теряет Алису на прогулке, хотя «...за всю историю интерната никто из него не пропал и не терялся больше чем на десять минут» [Булычев 1991, 12]. Справедливости ради следует отметить, что и мужчины-профессионалы попадают в книгах Кира Булычева впросак (рассеялся в пространстве профессор Кураки, неправильная подобранная Селезневом и Якато диета едва не погубила бронтозавра), но эти ситуации всегда связаны с научными экспериментами и экстремальными ситуациями, а не с исполнением рутинных профессиональных обязанностей. Таким образом, в будущем, описанном К. Булычевым в ранних произведениях алисианы, несмотря на декларируемое гендерное равенство во всех сферах жизни: существование «вовлеченных отцов» и карьерно-ориентированных матерей, развитие техники, обеспечившее появление роботов-домработников, и доступные институты «социальной заботы» — сохраняются многие признаки советской действительности: дискриминация женщин в профессиональной сфере, практики расширенного материнства, контакт «работающая мать».

Подлинный всплеск популярности книг Кира Булычева происходит во второй половине 1980-х гг., после выхода на экраны фильма «Гостя из будущего». Алиса в исполнении Наташи Гусевой стала кумиром миллионов советских мальчишек [Алексеенко, Евдокимова 2004] в эпоху, ознаменовавшуюся кардинальной переоценкой успевших стать привычными советских гендерных контрактов и гендерных стереотипов. Трансформация гендерного порядка происходила на фоне глобального изменения социальной структуры, перестройки экономики, смены идеологии. Разрушение привычного образа жизни сопровождалось повышением роли семьи как экономической ячейки общества, дифференциацией моделей домохозяйств, толерантностью к прежде маргинальным гендерным контрактам [Здравомыслова, Темкина 2015, 346]. Особенно

значимым для советского общества последних лет его существования оказался всплеск интереса к гендерному традиционализму, утверждающему ценности «естественного предназначения» женщины как жены, матери и домохозяйки, а не профессионала, вовлеченного в общественный труд, в то время как массовый опыт советских женщин был связан с контрактом «работающая мать» [Здравомыслова, Темкина 2015, 347]. На фоне охвативших страну перемен Кир Булычев, активно публиковавший новые книги о приключениях Алисы, вольно или невольно отразил в своих текстах второй половины 1980-х гг. эти новые гендерные представления. Немаловажную роль сыграло и то, что писатель начал привлекать к творчеству своих юных поклонников: в 1986 г. в газете «Пионерская правда» публиковалась повесть «Приключения в космосе, или Планета Пять-четыре», написанная совместно с читателями, — они присылали свои варианты дальнейшего развития событий, из которых он выбирал понравившийся и редактировал. В дальнейшем повесть была переработана и далее выходила под названием «Гай-до»⁹. В ней, как и в других произведениях этого периода, гендерная модель мира будущего претерпевает значительные изменения.

Прежде всего это отражено в образе Ирии Гай, инопланетянки с планеты Вестер, которая внешне почти не отличается от землян. Ее отец, эксцентричный изобретатель Самаон Гай, мечтал о сыне-помощнике, но вместо него родилась дочка. Инопланетянин реагирует на это событие словно землянин из страны, безнадежно далекой от гендерного равенства: «Самаон Гай решил, что жена нарочно это сделала (родила дочь — *Т. Т.*), потому что никогда его не любила» [Булычев 1992, 52]. Семья Гай описывается как патриархатная однокарьерная: профессиональной деятельностью занят только Самаон, безымянной матери Ирии «разрешалось» только кормить семью, шить и стирать. Она несколько раз просила своего мужа: «Можно я рожу второго ребенка?» Но тот отвечал: «Хватит с меня одного» [Булычев 1992, 52–53]. Самаон Гай, домашний тиран и абьюзер, но по совместительству «вовлеченный отец», решает исправить ошибку природы и сделать сына из дочери:

Он не подарил ей ни одной куклы и не разрешил дотронуться до нитки с иголкой. Он запрещал ей собирать цветы и играть с девочками. Зато с раннего детства Ирия должна была водить автомобиль, поднимать штангу, заниматься боксом и вольной борьбой, прыгать с парашютом, считать в уме, работать с компьютером, пилить, строгать и паять. Даже в школу он ее не пускал, чтобы она не заразилась какими-нибудь женскими слабостями [Булычев 1992, 52].

Будучи ученым, Самаон уверен, что гендер — это понятие социальное, не предопределенное биологическим полом. Эта программа приводит к тому, что к десяти годам Ирия:

...была куда больше похожа на мальчишку, чем на девочку. Руки в мозолях, ногти обломаны, волосы пострижены совсем коротко, движения резкие и быстрые. Самым большим удовольствием в ее жизни было взять в руку широкий загнутый нож и вырезать из дерева модель будущего корабля или игрушечный бластер. После работы она ныряла в прорубь, если дело было зимой, или плавала с аквалангом, если стояло лето.

Отец был доволен. Ирия оказалась лучше обыкновенного сына [Булычев 1992, 53].

Но сама «девочка-мальчик», став взрослой, не оценила этот эксперимент: в ответ на слова обладающего разумом корабля Гай-до, что цель жизни состоит в самопожертвовании на пользу науке, она говорит об отце: «мою маму уморил, себя загнал до смерти, а меня изуродовал» [Булычев 1992, 55]. Героиня делает собственный выбор в пользу частной жизни: она влюбляется «в первого встречного» — симпатичного космобиолога Тадеуша Сокола, улетает на Землю, где становится счастливой женой и матерью: «Честно говоря, это прошлое мне кажется страшным сном. Лучше бы его не было. Только здесь я поняла, что создана не для приключений и бокса, а для того, чтобы качать детей и вышивать» [Булычев 1992, 88]. Выбор Ирии сначала шокирует и Гай-до, и Алису («Мне кажется, что главное в жизни — это наука и приключения» [Булычев 1992, 88–89]), но само появление этого образа в детской литературе чрезвычайно значимо. Ирия репрезентует когда-то маргинальный для советского общества гендерный контракт домохозяйки, «реализующийся через ценности обслуживания, материнства и заботы о семье, которые формируют ядро женской идентичности» [Здравомыслова, Темкина 2015, 355]. Показательно, что сделав выбор в пользу этого контракта, героиня обретает и сексуальную привлекательность: «Она была такая воздушная и нежная. Длинные пышные волосы легко касались загорелых плеч, сарафан мягкими складками прилегал к стройному телу. <...> И оттого эта женщина показалась Алисе красивой, как принцесса из сказки» [Булычев 1992, 84, 86]. История Ирии подается как доказательство приоритета биологического пола над гендером: женское начало не может быть трансформировано в мужское путем сознательного формирования у ребенка женского пола мужской гендерной идентичности, более этого, данный

педагогический эксперимент уродует женщину и лишает ее возможности осознать свое истинное предназначение.

Приняв себя как женщину и хранительницу семейного очага, Ирия воплощает идиллическую патриархатную модель семейной жизни с успешным профессионалом и одновременно «вовлеченным отцом» Тадеушем. Патриархат, дискредитированный родительской семьей Ирии, в ее собственных супружеских отношениях оказывается вполне состоятелен и современен. Однако счастливой семейной жизни постоянно мешают внешние обстоятельства: Тадеушу угрожает опасность на далеких планетах, и Ирия отправляется его спасать (на этом построен как сюжет повести «Гай-до», так и одного из ее сиквелов — «Города без памяти» (1988 г.). У героини вновь происходит смена ее гендерной роли: «...настоящая амазонка: коротко подстриженная, в походном комбинезоне, сузившиеся сиреневые глаза холодны и суровы, твердый подбородок упрямо торчит вперед. Движения ее решительны и экономны. Она готова сейчас взойти на Эверест, выйти на боксерский ринг, вызвать на дуэль самого отчаянного пирата галактики» [Булычев 1992, 129], она начинает позиционировать себя как мужчина и отправляется навстречу приключениям. Гендерная амбивалентность образа Ирии (женственность на Земле и мужественность в космосе) вызывает недоумение окружающих: «Алиса глядела на Ирию и думала: „Как удивительно в ней уживаются два совсем разных человека. Один человек — домашняя хозяйка, хлопотунья, повариха. <...> Второй человек — тот, которого воспитывал отец: боец, альпинист, отличный стрелок, победивший узурпатора на планете Пять-четыре, конструктор космических кораблей. Сегодня перед нами первый человек. А что будет завтра?!“» [Булычев 1992б, 114]. Особенно переживает Тадеуш, который задается вопросом: «вдруг невероятные изменения, что произошли с его любимой Ириечкой, останутся в ней навсегда. Сможет ли он полюбить ту незнакомку, что, оказывается, скрывалась в его нежной Ирии?» [Булычев 1992, 174], но, согласно концепции Кира Булычева, Ирия сознательно выбирает женскую гендерную идентичность на Земле, находясь рядом с любимым мужем; и лишь временная его утрата заставляет героиню символически вернуться в то время, когда она еще не осознала свое женское предназначение и вновь перевоплотиться в сына, о котором мечтал изобретатель Самаон Гай. Ирия не видит особых преимуществ в мужественности и, в полном соответствии с гендерным консервативным поворотом, произошедшем в позднесоветском обществе на рубеже 1980–90-х гг., хочет быть просто женой и матерью¹⁰.

Трансформации, происходящие с гендерными ролями Ирии, удивительны для других персонажей книг, но гораздо более удивительно для внимательного читателя то, что и сам мир прекрасного далёко начинает меняться, полностью утрачивая притязания на гендерное равенство, декларируемое в ранних произведениях Кира Булычева и заставившее его выбрать девочку, а не мальчика в качестве протагониста в приключенческих повестях для детей¹¹.

События, изложенные в «Гай-до» и «Городе без памяти», происходят во время летних каникул (в «Городе без памяти» уточняется, что это каникулы после шестого класса) [Булычев 1992б, 107]. Несмотря на то, в интервью Кир Булычев неоднократно говорил, что не хочет описывать взросление Алисы¹², в его книгах мы находим явные указания на гендерно-окрашенное взросление (герои принимают гендерные установки своего пола: Алиса становится более женственной, Пашка Гераскин, ее лучший друг, более мужественным). Показательно, что в книгах, созданных Булычевым до второй половины 1980-х гг., поведение детей из прекрасного далёко было лишено гендерно-маркированных черт: мальчики (Аркаша Сапожков, Джавад, Пашка Гераскин) и девочки (близнецы Маша и Наташа Белые), посещающие станцию юных биологов, вместе ставят опыты и путешествуют, интересы и занятия у них общие (при этом скорее мальчишеские — приключения), романтические привязанности между ними не возникают. Более тесные дружеские отношения у Алисы складываются с мальчиками, которые воспринимают ее как «своего парня». Биологический пол Алисы в ранних произведениях оказывает минимальное влияние на ее поведение, но в «Гай-до» Алиса и ее друзья начинают обсуждать вопросы, связанные с отношениями между полами:

— Скорее всего, — сказал Аркаша, — Ирия Гай жива и здорова. Но погибла для науки. Она предпочла ей и тебе обыкновенного мужчину.

— Но это предательство! — воскликнул корабль.

— Не укоряй ее, — сказала Алиса. — Может, это любовь. Я читала, что ради любви люди совершали странные поступки. <...>

— Не путай, — прервал Алису Пашка. — Как можно из-за какой-то любви забыть о друге и о работе? Я эту Ирию презираю. Забыть ее надо.

— О нет! — возразил корабль. — Я ее никогда не забуду!

— Надо взять себя в руки, — сказал рассудительный Аркаша. — Если это любовь, то она скоро пройдет.

— Ты наивный, Аркаша, — сказала Алиса. — Ты еще никогда не любил [Булычев 1992, 81].

Позиция Алисы противопоставляется и юношескому максимализму Пашки и наивному рационализму Аркаши Сапожкова. Дальнейшее поведение героини иллюстрирует практическое осуществление гендерных установок: Алиса проявляет большую, чем ее друзья, эмпатию по отношению к Гай-до («Ты переживаешь как самый настоящий человек» [Булычев 1992, 82]). Именно слезы Алисы, узнавшей о том, что Гай-до планирует совершить самоубийство, и ее решение остаться с ним на свалке кораблей, а не предложение мальчишек найти смысл жизни в борьбе с космическими пиратами и поиском странников, заставляют кораблик пересмотреть свое решение («Я решил жить, потому что видел, как из-за моих несчастий плакала эта чудесная девочка» [Булычев 1992, 92]). В следующей повести про Гай-до читатели узнают, что и смысл жизни он нашел вовсе не в подвигах и научных открытиях, а в воспитании маленькой Вандочки, дочери Ирии и Тадеуша.

Невозможно игнорировать факт того, что в произведениях, написанных Кириллом Булычевым во второй половине 1980-х гг., главная героиня алисианы постепенно начинает вести себя в соответствии с гендерными стереотипами XX в.: в «Гай-до» взгляды Алисы еще противопоставляются взглядам Ирии:

Героиня поднялась на веранду. На руках она несла ребеночка.

— Посмотри, — сказала она Алисе, — Вандочка — удивительное дитя. У нее уже зубик прорезается.

Алиса посмотрела на малышку: совершенно обыкновенный ребенок. <...>

— Ты умеешь вышивать, Алиса?

— Нет, — сказала Алиса. — Я учусь стрелять из лука.

— Стрелять из лука — не главное в жизни, — засмеялась Ирия, прижимая к себе ребеночка.

— Не знаю, — сказала Алиса. — Мне кажется, что главное в жизни — это наука и приключения.

— Раньше я тоже была глупой. Теперь меня ничто не оторвет от дома. Ты будешь с нами обедать? У меня суп с клецками. Очень вкусный [Булычев 1992, 88–89].

Однако в «Городе без памяти» Алиса повзрослела, а ее образ (и другие женские персонажи в произведениях Кира Булычева) радикально поменялся. Теперь уже и Алисины мама, которой вообще

никогда не бывает дома, как читатели помнят еще из первых книг алисианы, увлекается вышиванием («Жалко, конечно, платок, мама вышивала, но для хорошего дела и платком можно пожертвовать») [Булычев 1992б, 258], а сама Алиса совершенно изменила свое отношение к младенцам: «Но Ирия его [Пашку — Т. Т.] не слушала. Они с Алисой принялись обсуждать, на кого похожа Вандочка: сиреневые глазки от мамы, носик от папы, губки... губки вроде бы от мамы... а может быть, от папы» [Булычев 1992б, 113]. Героиня поменялась насколько, что Ирия, отправляющаяся на поиски Тадеуша, готова доверить ей заботу о годовалой дочери («Нет! Я лечу одна, — сказала Ирия. — И попрошу тебя, Алиса, позаботиться о Вандочке, пока нас с Гай-до не будет на Земле») [Булычев 1992б, 120].

Налицо патриархатный гендерный поворот, внезапно случившийся в прекрасном далёко: теперь женщины уже не строят стадионы на далеких планетах, их удел — сидеть дома и воспитывать детей, причем эту идею поддерживает не только Ирия, осознавшая свое предназначение, но эпизодические персонажи, выражающие общественное мнение («Удивительные существа эти женщины, — сказал диспетчер, обернувшись к кому-то в комнате. <...> Все-таки без мужчин я бы их в космос не пускал» [Булычев 1992б, 121]).

Все большую роль в создании женских образов в «Городе без памяти» начинает играть внешность: Алиса описывает Ирию как «...одну из первых красавиц Галактики» [Булычев 1992б, 238], чем объясняется желание разбойников братьев Кротов жениться на ней. Ранее во внешности Ирии подчеркивалась лишь переключение между мужской и женской ипостасями, теперь же героиня не только выступает в своей женской ипостаси, находясь в космосе (ранее такое было возможно только на Земле), но и начинает рассматриваться окружающими ее мужчинами как сексуальный объект.

В ведении домашнего хозяйства тоже происходит неожиданное возвращение к истокам: исчезают роботы-домработники, и вот уже быт в XXI в. ничем принципиально не отличается от быта XX в.: Тадеуш сам белит яблони в саду и по просьбе жены варит кашу дочке, а Ирия готовит, стирает, вешает белье и гуляет с ребенком. Более того, распределение обязанностей в мире будущего становится гендерно обусловленным: пока Пашка и Аркаша оформляют документы, чтобы забрать Гай-до со свалки, «Алиса включила пылесос, привезенный из дома, чтобы прибраться на мостике и в каюте» [Булычев 1992, 90]. Именно она берет на себя учет продуктов в полете на планету Пять-Четыре и готовит еду, потому что «мужчи-

ны, как учила Алису бабушка, должны быть сытыми. Даже самый хороший мужчина становится невыносимым, если он голодный» [Булычев 1992, 88–89]. Из рассказа «Чудовище у родника» (1987) очевидно, что мытье посуды в космических путешествиях — это тоже женская обязанность да и в целом, как утверждает Пашка Гераскин, «о хозяйстве в походе заботятся женщины» [Булычев 1992а, 9]. В будущее возвращается гендерное разделение труда, при котором женщины по умолчанию принимают на себя основную нагрузку по выполнению неоплачиваемой домашней работы и уходу за детьми, но похоже, что ни сами герои, ни автор не замечают этих радикальных изменений.

Маскулинность в анализируемых текстах начинает противопоставляться фемининности, поведение подростка Пашки, пытающегося позиционировать себя как взрослого мужчину, иллюстрирует эту тенденцию наиболее ярко: «Ирия начала обнимать и тереть Алису, а Пашка отступил на шаг в сторону. Он обожал Ирию Гай, но испугался, что его тоже поцелуют. А поцелуев он, понятное дело, не выносил» [Булычев 1992б, 113]. Уход за ребенком ассоциируется у героя с женскими обязанностями, и Пашка искренне не понимает, как Гай-до мог променять путешествия и приключения на заботу о Вандочке:

— Ну, ты даешь, старина Гай-до, — сказал неодобрительно Пашка. — Видно, совсем забыл, как мы с тобой сражались в глубоком космосе.

— Ты не понимаешь, Пашка, — ответил Гай-до. — Самое благородное дело в мире — воспитывать младенцев. Ты еще не дорос до отцовской любви.

— И не спешу дорастать, — ответил Пашка [Булычев 1992б, 113].

Гераскин, не возражающий против того, что Алиса останется на Земле с дочкой Тадеуша, объявляет себя помощником, без которого Ирии не обойтись в космосе («Тебе нужен мужчина на борту. Защитник» [Булычев 1992б, 120]). И хотя в авторской ремарке («Ирия Гай даст сто очков вперед любому мастеру спорта» [Булычев 1992б, 120]) необходимость мужской помощи Ирии подвергается обоснованному сомнению, противопоставление Пашки, априори сильного и выносливого, и слабой и нуждающейся в защите и помощи Алисы продолжается на протяжении всего пребывания героев на планете Крина. Выбирая Пашку для полета на птице Альте в убежище помников¹³, Ирия руководствуется исключительно гендерными стереотипами: «Я решила, что поле-

тишь ты, Паша. Все-таки ты мальчик, ты сильнее. А путешествие может быть опасным. Алиса пускай остается со мной» [Булычев 1992б, 218]. Гендерное равенство в прекрасном далёко, заявляемое в первых книгах об Алисе, уступает место гендерным стереотипам и гендерной асимметрии.

Таким образом, можно утверждать, что гендерные представления в мире алисианы воспроизводят соответствующие реалии советского общества. Гендерные практики, отраженные в ранних произведениях Булычева, описывают дискриминацию женщин в профессиональной сфере, расширенное материнство, контакт «работающая мать». Наряду с этим в футуристической утопии, обрисованной в Булычевым книгах об Алисе в конце 1960-х гг., присутствуют приметы мифа о светлом будущем коммунизма: «вовлеченные отцы» и карьерно-ориентированные матери, освобожденные от домашнего труда благодаря научно-техническому прогрессу и доступным институтам «социальной заботы».

Однако мир алисианы, как и образ жизни советского человека, претерпевает радикальные изменения во второй половине 1980-х гг. под влиянием патриархатного гендерного поворота, произошедшего в позднесоветском обществе. Своеобразная иллюстрация этого процесса — образ инопланетянки Ирии Гай, жертвы педагогического эксперимента собственного отца, отказавшейся от навязанной ей мужской гендерной идентичности и нашедшей свое счастье в прежде маргинальном для советского общества гендерном контракте домохозяйки. Счастливая однокарьерная семья, которую создают Ирия и Тадеуш, преподносится как идеальная модель семейной жизни. Одновременно меняются образы Алисы и ее друга Пашки Гераскина, поведение которых с взрослением и началом пубертата становится все более гендерно маркированным: Алиса демонстрирует большую (чем Пашка и Аркаша Сапожков) эмпатию по отношению к Гай-до и интерес к маленьким детям. Пашка, в свою очередь, старается позиционировать себя как мужчину, защищая Алису и Ирию и отвергая уход за младенцами как немужское занятие.

Герои цикла распределяют между собой обязанности в соответствии с традиционным гендерным контрактом: даже во время космических путешествий Ирия и Алиса берут на себя выполнение домашней работы, а Пашка пытается принять на себя функции капитана, рисковать и защищать слабых.

Несмотря на кардинальное изменение гендерного уклада, прослеживающееся в книгах Кира Булычева, на протяжении всего

периода работы над циклом книг об Алисе автор создавал мир будущего, соответствующего ожиданиям читателя: алисиана транслировала те же гендерные установки, которые господствовали в общественном сознании на момент написания отдельных книг серии, и в силу популярности произведений цикла способствовала сохранению этих установок через трансляцию их юным читателям.

Примечания

- ¹ Напр., сайт «Алиса Селезнева. Энциклопедия» (URL: <https://alisa.gomantiki.ru/>), созданный в 2005 г. и «Официальный сайт фильма „Гостья из будущего“» (URL: <http://mielofon.ru/>), созданный в 1999 г.
- ² Алисоведение — на сайте «Алиса Селезнева. Энциклопедия» определяется как «серьезное изучение творчества писателя-фантаста Кира Булычева», предпринимаемого, впрочем, литературоведами-любителями и выражающееся в поиске ошибок и хронологических несостыковок в текстах Булычева, попытках вычислить год, когда родилась Алиса или происходит действие той или иной книги. Алисиана на том же сайте трактуется как «совокупность литературных и кинематографических произведений, объединенных общим персонажем — Алисой Селезневой, девочкой из будущего». В данной статье используется термин «алисиана», под которым подразумевается совокупность текстов, написанных К. Булычевым об Алисе.
- ³ Напр., статья М. Яворской, где сравнивается образ будущего, изображенный в повести «Сто лет тому вперед» и фильме «Гостья из будущего», а также исследование В. Т. Фаритова и Н. А. Балаклеец «Идея нового средневековья в повести Кира Булычева „Город без памяти“».
- ⁴ См., напр., произведения Г. Мартынова «Каллисто» (1957), «Гианэя» (1963) и др., роман И. Ефремова «Туманность Андромеды» (1957), дебютная повесть братьев Стругацких «Страна багровых туч» (1957) и др.
- ⁵ Знаменитая фраза из речи Н. С. Хрущева на XXII съезде КПСС «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» (октябрь 1961 г.).
- ⁶ Хотя Кир Булычев неизменно отрицал, что образ Алисы был списан им с единственной дочери (см. например, http://www.rusf.ru/kb/labirint/vestniki/11-sep-00/vestnik_labirinta.htm#int), но профессия жены и выбор имени героини, равно как и его отцовский опыт, получили отражение в его книгах.
- ⁷ Рассказы «Я набираю номер», «Застенчивый Шуша», «Тутексы», «Об одном привидении» и «Свой человек в прошлом» составляют книгу «Девочка, с которой ничего не случится».
- ⁸ Несмотря на репрезентацию стратегии «вовлеченного отцовства» в произведениях А. Гайдара «Голубая чашка», В. Драгунского «Дениски-

ны рассказы», изображение значимых отцовско-детских отношений в советской детской литературе было скорее маргинальным сюжетом в силу исторического и культурного контекста, в который вписана литература этого периода (массовая гибель мужчин в двух войнах, культивируемая идеологией и педагогикой значимость коллектива в воспитании личности).

- ⁹ Об этом Кир Булычев пишет, например, в статье «Все еще впереди», отвечая на вопросы читателей [Булычев 1988].
- ¹⁰ История Ирии может быть прочитана как своеобразный альтернативный вариант истории Нийи («Через тернии к звездам», 1980 г., автор сценария — К. Булычев), где наделенная сверхспособностями клон-инопланетянка, созданная для того, чтобы спасти планету Десса, жертвует своей любовью к земному юноше Степану ради выполнения возложенной на нее миссии. В повести «Гай-до» героиня выбирает не следование долгу (профессиональную реализацию), а частную жизнь, отражая разочарование писателя и его юных соавторов в советской идеологии, провозглашавшей самопожертвование во имя великих идей.
- ¹¹ В интервью Т. Скобликовой К. Булычев сказал: «Вы разве не заметили? Герои почти всех книг фантастического жанра — мальчишки. Ну, а у меня — девочка» [Булычев 1986].
- ¹² Например, следующее высказывание К. Булычева в интервью 1997 г.: «Есть такие условные герои, которые не могут стареть, потому что их читатель остается в одном возрасте, только за одним поколением приходит другое. Так и Алиса — это маска, и жить она может только как маска. Она не может взрослеть». (Неопубликованный источник. Текст интервью представлен на сайте «Русская фантастика» URL: http://www.rusf.ru/kb/labirint/vestniki/05-mar-00/vestnik_labirinta.htm#int).
- ¹³ Помники — герои повести К. Булычева «Город без памяти», члены тайной организации, пытающейся возродить на планете Крина утраченную культуру.

Литература

Источники

Алексеевко, Евдокимова 2004 — Алексеевко Л., Евдокимова Е. Двадцать лет тому вперед: Фильму «Гостя из будущего» пошел третий десяток // Версия: эл. газета. 2004. № 2. URL: <http://mielofon.ru/film/smi/txt/versiya.htm>.

Булычев 1986 — Булычев К. Шерлок Холмс по прозвищу Алиса: интервью / записала Т. Скобликова // Русская фантастика: сайт. 1986. 12 марта. URL: http://www.rusf.ru/kb/int/sherlok_holms_po_prozvischu_alisa/text.htm.

Булычев 1988 — Булычев К. Все еще впереди!: [Ответы на письма читателей] // Уральский следопыт. 1988. № 4. С. 39–44.

Булычев 1991 — Булычев К. Девочка, с которой ничего не случится // Приключения Алисы: в 6 кн. / К. Булычев. Пушкино: Изд. объединение «Культура», 1991. Кн. 1. С. 3–30.

Булычев 1991a — Булычев К. Остров ржавого лейтенанта // Приключения Алисы: в 6 кн. / К. Булычев. Пушкино: Изд. Объединение «Культура», 1991. Кн. 1. С. 50–113.

Булычев 1992 — Булычев К. Гай-до // Приключения Алисы: в 6 кн. / К. Булычев. Пушкино: Изд. Объединение «Культура», 1992. Кн. 5. С. 50–191.

Булычев 1992a — Булычев К. Чудовище у родника // Приключения Алисы: в 6 кн. / К. Булычев. Пушкино: Изд. объединение «Культура», 1992. Кн. 5. С. 3–2.

Булычев 1992b — Булычев К. Город без памяти // Приключения Алисы: в 6 кн. / К. Булычев. Пушкино: Изд. объединение «Культура», 1992. Кн. 6. С. 106–345.

Исследования

Авдеева 2012 — Авдеева А. В. «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 95–104.

Здравомыслова, Темкина 2015 — Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2015.

Роткирх 2011 — Роткирх А. Мужской вопрос: любовь и секс трех поколений в автобиографиях петербуржцев / пер. с англ. Е. Д. Никифоровой; науч. ред. Е. А. Здравомыслова. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2011.

Фаритов 2018 — Фаритов В. Т., Балаклеец Н. А. Идея нового средневековья в повести Кира Булычева «Город без памяти» // Четвертые Лемовские чтения: сб. материалов Всероссийской научной конференции с международным участием памяти Станислава Лема (Самара, 22–24 марта 2018 г.). Самара: Самар. гуманит. акад., 2018. С. 207–219.

Яворская 2019 — Яворская М. «Мы — это и есть вы». Сопоставление образа будущего в книге «Сто лет тому вперед» и фильме «Гостья из будущего» в историческом контексте // Детские чтения. 2019. № 1 (15). С. 161–176. DOI: 10.31860/2304-5817-2019-1-15-161-176.

References

Avdeeva 2012 — Avdeeva, A. V. (2012). “Vovlechennoye ottsovstvo” v sovremennoy Rossii: strategii uchastiya v ukhode za det’ mi [“Involved Fatherhood” in

Modern Russia: Strategies for Participation in Child Care]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 11, 95–104.

Faritov, Balakleets 2018 — Faritov, V. T., Balakleets, N. A. (2018). Ideya novogo srednevekov'ya v povesti Kira Bulycheva “Gorod bez pamyati” [The idea of a new Middle Ages in the story “City without memory” by Kir Bulychev]. In *Chetvertye Lemovskie chteniya: sb. materialov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem pamyati Stanislava Lema* (Samara, 22–24 marta 2018 g.) [Fourth Lem readings: collection of articles. materials of the All-Russian scientific conference with international participation in memory of Stanislav Lem (Samara, March 22–24, 2018)] (pp. 207–219). Samara: Samar. humanizes. acad..

Rotkirch 2011 — Rotkirch, A. (2011). Muzhskoy vopros. Lyubov' i seks trekh pokoleniy v avtobiografii peterburzhtsev [Male question. Love and sex of three generations in the autobiographies of Petersburgers]. St Petersburg: Izd-vo YEUSPb.

Yavorskaya 2018 — Yavorskaya, M. (2018). “My — eto i yest' vy”. So-postavleniye obraza budushchego v knige “Sto let vpered” i fil'me “Gost' iz budushchego” v istoricheskom kontekste [“We are you.” Comparison of the image of the future in the book “One Hundred Years Ahead” and the film “The Guest from the Future” within historical context]. *Detskie chteniya*, 1 (15), 161–176. DOI: 10.31860/2304-5817-2019-1-15-161-176.

Zdravomyslova, Temkina 2015 — Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (2015). 12 lektsiy po gendernoy sotsiologii [12 lectures on gender sociology]. St Petersburg: Izd-vo YEUSPb.

Tatiana Ternopol

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky;
ORCID: 0000-0002-8798-1723

WONDERFUL FAR AWAY AND GENDER: THE GENDER STUDY OF
THE FUTURE IN KIR BULYCHEV'S BOOKS ABOUT ALISA
SELEZNEVA

The article analyzes the evolution of gender representations in Kir Bulychev's books about Alisa Selezneva. The author of the article focuses on "The Girl Nothing Happens To" and "The Rusty Field-Marshal", as well as "Guy-do", "The City Without Memory" and "The Monster by the Spring". The study has revealed that gender perceptions in the books are based on the realities of Soviet society. Gender practices describe discrimination against women in the professional sphere, extended motherhood and a "working mother" contact. Communist gender equality is embodied in the images of Alisa's "involved father" and career-oriented mother, freed from domestic labour thanks to scientific and technological progress and institutions of "social care". In the second half of the 1980s, influenced by the conservative gender turn in the USSR, the gender order of the world described by Bulychev in the Alice books changes. Iria Guy, the alien, embodies traditional femininity. The single-career family of Iria and the earthling Tadeusz represents an ideal family life. The new perception of the gender contract is embodied in the images of Alisa and Pashka Geraskin: with the beginning of puberty, Alisa demonstrates feminine qualities, while Pashka demonstrates masculine ones. According to the author of the article, Bulychev's world changes along with the change in the gender order in Soviet society.

Keywords: Soviet children's literature, Kir Bulychev, Alisa Selezneva, wonderful far away, Soviet society, gender studies